былину, но и владеть искусством ее воспроизведения, искусством своеобразной эпической импровизации.

Былинные формулы — эта первооснова былинной стилистики и опорный элемент творчества певца — характеризуются некоторыми важными особенностями. Они не универсальны и не безличны. Соответствующие формулы появляются всякий раз «для выражения данной существенной идеи». В Некоторые формулы более или менее определенно привязаны к ситуациям, повторяющимся не часто и характерным для одной или нескольких былин. По формулам, вырванным из контекста, можно в ряде случаев узнать, какой былине они принадлежали или какую ситуацию выражали.

Ныне установлено, что формулы стилистически локальны и даже больше того — индивидуальны. Стилистика эпических формул в их конкретности отражает более или менее устойчивую практику отдельных былинных школ или исполнителей. Недавно была выдвинута идея о том, что формулы могут служит надежным средством паспортизации былин. 4

С точки зрения этих общих соображений эпическая стилистика «сказки» «Про Мамая безбожного» подлежит специальному изучению. В «сказке», по моим подсчетам, около 25 (не считая повторений) былиных реминисценций. Большинство былинных выражений и формул применено к месту: соответствующие ситуации в «сказке» представляют собой аналогии к былинам. Например, в «сказке» читаем: «Разъярился собака-татарин, рвал свои черные кудри, метал их наземь — по застолью». «Рвал свои черные кудри, метал их наземь — по застолью». «Рвал свои черные кудри...» — это формула, которая в былинах передает гнев и ярость чужеземного (чаще всего) царя. «Да и те уразиной испроломаны, кушаками головы завязаны» — такими предстают в «сказке» татарские богатыри после того, как Захар Тютрин, избив их, отпускает назад к Мамаю. Аналогичная формула чаще всего появляется в былине о Чуриле Пленковиче, когда речь заходит о княжеских слугах, возвращающихся после злополучной для них встречи с Чурилой.

В «Сказке» князь наказывает, «чтоб собирали рать — силу несметную по городам с пригородками, по сёлам и присёлкам и по всем дальним печищам». В былинах сходная формула применяется обычно в эпизоде пожалования богатыря князем. В «сказке» устойчивое эпическое выражение попадает в совсем иной контекст.

Поскольку автор-рассказчик в «сказке» никак не был связан метрическими условиями, былинные формулы у него носят более свободный характер, они прозаизированы, дополнены иногда деталями, для эпоса не характерными, и включены естественно в общий поток повествования. Тем не менее сказительский навык ясно проявляется в том, что формулы эти ритмически более организованы и более завершены внутри контекста, сравнительно с другими частями повествования. Иными словами, авторрассказчик время от времени как бы превращался в сказителя, хотя и не полностью. Перед нами очень любопытный случай творческой работы мастера фольклора — из тех, что не часто встречаются исследователям.

Есть некоторые материалы, позволяющие рассмотреть эпический слой «сказки» на фоне ближайшей к нему былинной традиции.

А. Харитонов, записавший «сказку», известен также записями ряда других сказок и былин, сделанными в том же Шенкурском уезде Архан-

³ A. Lord. The Singer of Tales. Cambridge, 1960, стр. 4.
⁴ См. об этом: П. Д. Ухов. Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, II. М.—Л., 1957.

¹⁹ Тр. Отд. древнерусской литературы, т. XXIV